

С. Б. Сорочан

К вопросу о датировке раннего и позднего храма Богоматери Влахернской в византийском Херсоне

Будучи учеником Владимира Ивановича Кадеева, я не раз обращал внимание на его скрупулезное внимание к источнику, к археологическим материалам, глубокую, тщательную работу над ними. Датировка — это то заветное, к чему стремится историк, пытающийся постигнуть очередную тайну прошлого. Среди них есть такие, которые не даются поколениям исследователей. В частности, остается в области догадок установление время строительства южного загородного храма, известного в византийском Херсоне как пригородный храм-матрией монастыря Влахернской Богоматери — одной из главных святынь города.

Большинство исследователей склонялось и продолжает склоняться к ранневизантийскому времени ее возникновения. Вслед за Н. П. Кондаковым, С. П. Шестаков и К. К. Косцюшко-Валюжинич называли конец V в., тогда как оппонент последнего, А. Л. Бертье-Делагард считал «...вправе с уверенностью заключить, что здесь мы имеем дело с постройкой VI века», даже более того, — около 530–540-х гг., когда Юстиниан обращал особое внимание на Северное Причерноморье [1, л. 5; 2, с. 29; 3, с. 4; 4, с. 64–66]. Напольную мозаику крестовидного храма исследователь относил к VII—VIII столетиям, тогда как А. Л. Якобсон датировал ее VI в. или концом VI—началом VII вв. и связывал с перестройкой первоначального мавзолея — мартирия V в. «...в связи с созданием здесь, в центре христианского некрополя, в освященном христианской традицией месте, загородного монастыря» во имя Богоматери Девы Марии Влахернской [5, с. 250–251; 6, Sp. 393–394]. По мнению Л. В. Фирсова, наиболее вероятно строительство произошло во второй половине V—первой половине VI вв. [7, л. 25], по мнению других исследователей — «между V и VI веками», в середине VI в. или в целом в VI в. [8, р. 116; 9, с. 93; 10, с. 229; 11, с. 232; 12, с. 181]. А. Пелин уверенно датирует его «эпохой Юстиниана (527–565)» [13, с. 77], тогда как И. А. Завадская помещает между временем правления этого же императора и 655 г., когда здесь был погребен умерший в ссылке римский папа Мартин I [14, с. 55]. В общем, все эти версии совпадают с выводом А. Грабаря, который относил херсонесские постройки с планом в виде «свободного креста» ко времени не позже VI—начала VII вв. и полагал их заимствование, по-видимому, из ранневизантийской Малой Азии или Сирии и Палестины [15, р. 154–159]. Действительно, крестовидные церкви в V—VII вв. были популярны повсюду на Востоке — в Малой

Азии, особенно в Каппадокии и Ликаонии, в Палестине, Сирии, Восточном и Западном Причерноморье [16, с. 46–47, 200, 226, 240, 302–303; 11, с. 234; 17, с. 110 (там же библиография); 18, с. 396–402, рис. 3–6.].

Попытаемся же еще раз обратиться к материалам херсонского храма и той сакральной постройки, что предшествовала ему, дабы как можно более точно наметить этапы и насколько возможно сузить датировку их сооружения.

В фундаменте северо-восточной части крестовидного храма, в наружном углу прямоугольной апсиды М. И. Скубетов в 1902 г. нашел закладной камень с вырезанной на нем христорогмой позднего типа [19, с. 46–47, рис. 3; 20, с. 107, рис. 78; 21, с. 259]. Она сочетала в себе черты хрисмы и изображения креста с расширяющимися концами, в результате чего получалась фигура в виде перечеркнутой греческой буквы Р (rho). Следует особо отметить, что подобный символ — монограмматический крест пришел на смену классической «константиновской» христорогмой (лабаруму, хрисмону) лишь во второй половине V в. и особенно широко распространился в начале VI в. [22, р. 243–244; 23, р. 55, 112]. Позже VI в. употребление такого знака на закладном камне выглядело бы анахронизмом. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с первым важным «хронологическим репером», который указывает на то, что закладной камень не мог появиться ранее середины V в. Впрочем, не лишено смысла объяснение его появления тем, что строители «бережно изъяли» камень с христорогмой из развалин «более древнего храма», то есть храма, построенного не ранее второй половины V в., и положили в основание «нового храма» [ср.: 24, с. 42–45, рис. 59]. Тем более есть археологические свидетельства, говорящие в пользу существования такого раннего храма.

Не исключено, что этот ранний храм-меморий, предшествовавший большому крестовидному, мог иметь амвон. Во всяком случае, поздняя могила № 1407, устроенная в северо-западном углу левой стороны большого храма и разрушившая красивый мозаичный пол, оказалась выложена «кусками мраморных плит с частями выпуклого креста и прямолинейным орнаментом», а один из фрагментов К. К. Косцюшко-Валюжинич без колебаний отнес к элементам амвона [25, с. 19, № 1407 (подобная деталь амвона, по словам автора раскопок, была найдена в 1901 г. в Западной базилике, где, вероятно, был амвон константинопольского типа с возвышением — балконом); ср.: 26, с. 75; 27, р. 39–51; 28, р. 303–307]. Поскольку поздний храм такой конструкции явно не имел, она должна была предшествовать его появлению.

В этой связи заслуживает особого внимания наблюдение Е. В. Веймарна, обратившего внимание на то, что пространство вдоль склепов 1409, 1410, 1411, 1430, 1431, 1438 с южной стороны осталось свободным от погребений, причем входы в эти склепы идут с противоположной стороны, а не со стороны

пустующего участка, на котором, следовательно, во второй половине V—VI вв. могла находиться небольшая, но сравнительно нарядная церковь кладбищенского типа, ставшая в дальнейшем, после разборки, ориентиром для строительства большого крестовидного мемориального храма [см.: 29, с. 12–13].

Действительно, О. И. Домбровский, руководивший в 1951 и 1953 гг. исследованием его остатков, установил, что первоначально на этом месте находился небольшой одноапсидный храмик «базиликальной», то есть прямоугольной в плане формы с полом из хорошо отшлифованных, вероятно, мраморных плит, который исследователь отнес к V—VI вв. [30, с. 316]. Решающим аргументом для такой датировки явилось исследование содержимого насыпи тех позднеантичных могил, которые оказались под храмом и содержали 16 монет IV в., а также монету первой половины V в., найденную в насыпи непосредственно под нижним полом самого храма [30, с. 315; ср.: 31, с. 542]¹. Вероятно, поэтому И. А. Завадская относит возведение загородного малого храма ко времени «не ранее конца IV—начала V вв.» и считает возможным видеть в нем один из самых ранних христианских храмов Херсонеса [32, с. 130; 33, с. 79].

Однако материал, извлеченный из насыпи могилы «Д», перекрытой малым храмом, заставляет усомниться в однозначности выводов О. И. Домбровского и позволяет их уточнить, ибо, наряду с краснолаковым кувшином с характерным желобчатым туловом и двумя типами светильников, не выходящих за пределы IV в. (с извивающимися изломанными линиями и с двумя рядами бугорков на плечиках), представлен целой серией малых грубых светильников, подражавших сирийско-палестинским образцам V—VI вв., одним из типов поздних малоазийских светильников того же времени (с характерным биконическим туловом), подражанием так называемым фракийским или североафриканским светильникам, бывшим в ходу с конца IV в. до конца VI—начала VII вв., а также горлом амфоры типа 95 по И. Б. Зеест, который ныне считается западноазиатского, возможно, сардского производства и бытовал со второй половины V в. до середины VII в. [30, рис. 19, 20, 21; 22, 2; 23, 2; 25; ср.: 34, с. 61–62, 64, 73–74, рис. 26, 4, 6; 29, 1, 2, 5; 30, 4, 5, 9; 33, 5; 35, с. 97–100, рис. 5–6; 36, с. 69–70, № 9; 37, с. 100–113; 38, с. 104; 39, р. 63, type 3; р. 177–179; 40, с. 44, табл. 13, класс 22]. Обращает также внимание отсутствие наиболее многочисленных в позднеантичном Херсонесе рубчатых светильников, которые вышли из обращения в начале—первой половине V в.

¹ Поначалу автор ошибочно писал о наличии под первоначальным храмом только одного склепа с тремя нишами — лежанками и датировал постройку VI в. на основании найденных под плитами ее пола «монет Феодосия и Юстиниана», хотя на самом деле монет Юстиниана I здесь не было.

[41, с. 46–47]. Наконец, что особенно важно, в комплекс материалов из насыпи могилы «Д» входила подножка стеклянного рюмкообразного сосуда того типа, который появился в большинстве районов Средиземноморья не ранее второй половины V в. и использовался зачастую либо в качестве светильника — ладикина, либо в качестве потира для традиционной, широко распространенной формы индивидуального причащения [30, рис. 26, 10; 42, с. 154–158, тип 1, табл. 9, рис. 16, 8–11; 92, 1–9 (самый ранний херсонесский комплекс — комплекс 3 с девятью подножками таких рюмкообразных сосудов датируется не ранее последней четверти V в., но наибольшее распространение этот тип получил в VI–VII вв.); 43, с. 414; о назначении см.: 44, с. 134–171; 45, р. 113; 46, с. 198–210]. По времени это удивительно точно увязывается с христоматомой на указанном выше закладном камне.

Из вышеизложенного можно вполне определенно заключить, что постройку первого, раннего, меньшего культового сооружения, которое Л. Г. Хрушкова называет «мавзолеем-мартирием», никак нельзя относить к середине—второй половине IV в. или даже концу IV—началу V вв. [ср.: 11, с. 233; 12, с. 181, 182; 18, с. 400; 67, р. 60–61]. Она могла произойти как в V в., скорее всего, не ранее его второй половины, так и в VI в., не позже начала правления Юстиниана I (526–565) [ср.: 47, с. 18; 48, с. 164], но обе стройки — пригородной кладбищенской однефной церкви и нового крестовидного мартирия, разумеется, не имеющего никакого отношения к стараниям давно, в конце IV в., умершего Херсонесского епископа Еферия, разделяло не очень много времени. Монеты рубежа IV–V вв. из насыпи под крестовидным мемориумом не могут быть приняты за решающий ориентир для времени его сооружения, как полагает Л. Г. Хрушкова [18, с. 399–400], поскольку вступают в противоречие с другими датирующими обстоятельствами, которые несут христоматому на закладном камне и более поздние материалы из могилы «Д».

Видеть в северном рукаве храма могилу (№ 1407) основателя крестовидного мемория — епископа Еферия тоже не приходится [18, с. 400], ибо она поздняя, как и схожая могила (№ 1408) в западном рукаве. Обе они были устроены у стен храма, вплиты к ним, и при этом разрушили бордюр положенной ранее напольной мозаики, которая никак не может быть отнесена к временам Еферия, концу IV в., а была сооружена лет на двести позже, не ранее юстиниановской эпохи, с чем согласна сама Л. Г. Хрушкова [49, с. 808, 914; ср.: 18, с. 411].

Внести необходимые уточнения, как кажется, помогает анализ внутренней логики событий, разворачивавшихся в ранневизантийском Херсоне. Скорее всего, возведение нового, более просторного крестовидного купольного мемория с четырьмя дверями — сооружения центрического типа, во-

шедшего, как убедительно доказал Д. В. Айналов, в комплекс загородного Влахернского монастыря Св. Девы Марии, было очень близко к остальному монументальному культовому строительству в городе, наиболее интенсивно проходившему во второй половине VI в. и до начала VII в. С этой точки зрения заслуживает особого внимания стена ограды монастырского комплекса, поскольку она была сложена из притесанных квадров на извести с поясом плинфы, что придавало всему комплексу вид «крепостцы», по выражению А. Л. Бертье-Делагарда [3, с. 6]. С северной стороны она сохранилась лучше всего, до высоты 2 м, причем на высоте 1,7 м начиналась характерная кладка *opus mixtum*, от которой уцелело три ряда плинфы с мощными прослойками известкового раствора, в полтора раза превышающими толщину кирпича [1, л. 2 (размер плинф указан 35×23×4 см); 25, с. 31 (размер плинф — 40×23×3,5 см); 50, с. 76; 20, с. 105]¹. Примечательно, что параметры этой кладки наиболее близки зданию «апофики» в портовом районе, базилике № 28 на агоре, Северной базилике № 22 и баптистерию (№ 24) около Уваровской базилики, то есть сооружениям конца VI—начала VII вв., а размеры плинфы совпадают с кирпичами, которыми было вымощено дно некоторых ранневизантийских рыбозасолочных цистерн [ср.: 49, с. 705–706, табл. 1; 51, с. 51–52, рис. 44 (смежные цистерны «ж» и «з» на месте одного из помещений так называемой «казармы» и цистерна «е» в углу пилона древнегреческих ворот и 16 куртины, которые без обоснования отнесены автором отчета к «римской эпохе»); 14, с. 53]. Уже одно это обстоятельство может служить косвенным указанием на приблизительное время завершения сооружения всего архитектурного монастырского комплекса.

О «гробнице выдающегося мужа» Мартина (*eximii viri memoria*) и ее посещении «сколь угодно часто» (*quanvis...frequentatur*), по словам агиографа, вспоминал нойонский епископ, Св. Елигий, который скончался в 659/660 г. [52, col. 506; цит. по: 47, с. 18]. Поэтому Д. В. Айналов заявлял, что год кончины Елигия «...хорошо датирует постройки крестообразного храма, служа для них в качестве *terminus ante quem*». Однако это не совсем верно, ибо он не принял во внимание свое же собственное наблюдение, что в источниках VII—IX вв. речь идет об усыпальнице, гробнице (*memoria, to mnema*), которая находилась при храме, рядом с ним, а не в самом храме, несомненно, уже существовавшем к этому времени и пережившем в общей сложности

¹ Некоторая разность обмеров плинфы в архивном и в изданном отчете, видимо, объясняется колебаниями длины кирпичей в 5 см, а их толщины — в 0,5 см. Толщина слоя извести была более стабильной — 5,5 см и заметно превосходила по толщине кирпич. По мнению К. К. Косцюшко-Валюжинича, ограда достигала значительной высоты и, возможно, имела башни.

ти по меньшей мере три этапа постройки (ранний малый храм; поздний большой храм-мртирий; переделка его в церковь обычного культа с устройством алтаря, нового перекрытия центрального квадрата, мозаичного пола и крещальни). Второй из этих этапов оказался кардинальным и полностью изменил первоначальный облик небольшого, видимо, однонефного сооружения, превратив его в достаточно вместительный крестовидный мртирий — сооружение, судя по плану, чисто мемориальное, причем публичного характера, связанное с паломничеством [ср.: 53, р. 126]. Действительно, невозможно не заметить, что херсониты были предельно настойчивы и последовательны в своем желании почитать находившиеся здесь реликвии, собираться для поминальных обрядов, а в пространстве, освященном «святыми могилами», умножались захоронения верующих, причем особо почитаемые, привилегированные [12, с. 181; 18, с. 402].

Отчасти датировку позднего крестовидного храма второй половиной VI в. подтверждает находка в стенке купели его крещальни заклада с двумя монетами Феодосия I, четырьмя — Льва I, двумя — Анастасия, тринадцатью — Юстиниана I и пятью — неопределенными, среди которых, не исключено, могли быть как более ранние, так и более поздние [25, с. 33–34; 54, с. 111; 20, с. 109; 4, с. 64]¹. Учитывая большую длительность обращения таких весьма распространенных монет в ранневизантийском Херсоне, можно допустить, что они были положены в виде бескровной благочестивой жертвы в ходе строительных работ по доделке храма, ведшихся в последней трети—конце VI в., или даже в первой половине VII в. Следует также учесть, что Т-образный водоем был пристроен к стенке апсиды, покрытой уже двумя слоями штукатурки, то есть пережившей два ремонта, а само помещение, ставшее крещальней, как уже сказано, было в свою очередь пристроено к капитальной стене храма (с переделкой двух окон в две двери). Следовательно, баптистерий несколько старше храма, и только. Сама необычная форма водоема весьма напоминает тетраконхальные купели сирийского происхождения, которые датируются второй половиной VI в. [56, р. 76].

В пользу существования мемория Св. Девы Марии в близкое к этому время говорит и сюжет его мозаичного пола, чьи изобразительные и декоративные мотивы неизвестны для более позднего времени ни в Херсонесе, ни

¹ Весьма близкий состав имел благочестивый жертвенный заклад у водосливного канала баптистерия около Уваровской базилики: он включал 22 бронзовые монеты от Валентиниана I до Маврикия, причем монет Юстиниана I тоже было большинство — 12 [4, с. 74 — 79; 55, с. 35]. Поэтому, не исключено, что среди названных выше 5 монет, оставшихся не определенными в силу плохой сохранности, могла находиться монета Юстина II или Маврикия.

в других местах Византии [57, с. 333; 14, с. 54–55]¹. Созданный на основе еще античных традиций, с элементами передачи рельефности изображений, этот ранневизантийский образец обнаруживает наибольшее совпадение с мозаикой «базилика в базилике» (№ 15) и ее баптистерия с павлином, сооруженной не ранее правления императора Юстиниана I, а скорее во второй половине VI в. [61, с. 634–637]. С другой стороны, как заметил Н. И. Троицкий, напольная мозаика загородного крестовидного мартирия уже существовала к концу VII в., поскольку в ней, в геометрическом узоре из квадратов на полу северной ветви, встречаются изображения черных крестиков на желтом и красном фоне, крестов иной формы (7 раз), а изображать крест на земле, где его могли хотя бы нечаянно попирать ногами, было строжайше запрещено на Шестом Вселенском соборе в 680–681 гг., после чего это решение позже подтвердили и разъяснили толкователи соборных правил [см.: 62, с. 22; 5, с. 238, 240, рис. 125]. Едва ли правоверные херсониты, чей епископ подписался под актами синода, стали бы уклоняться от их соблюдения. К слову, аналогичные изображения крестов на желтом и красном фоне встречаются в мозаичных восьмигранниках, устлавших пол южного нефа Уваровской базилики — епископального кафоликона города, возведенного во имя Св. Апостолов Петра и Павла к концу VI в. [5, с. 233, рис. 122; подр. см.: 49, с. 762–787]. Композиции мозаичных рисунков обоих памятников, видимо, не случайно столь близки (многократно повторяющийся рисунок квадрата, вписанного в ромб; квадрат и вписанный в него круг, которые образованы широко сплетенными лентами) [14, с. 54].

Таким образом, отнесение храма и его мозаики к X в., или даже позже, на основании случайных признаков — находок нескольких фрагментов поздневизантийской керамики под мозаичным полом храма и в кладке безусловно позднего синтрона, а также монеты с монограммой «ро» едва ли не конца XI—XIII вв. в кладке одной из внутренних, явно позже и наспех сооруженных стен, весьма сомнительно [30, с. 294, 302–303, 316–317; 63, с. 517; ср. возражения: 5, с. 206–207; 64, с. 155, прим. 78; 48, с. 164]. В это позднее

¹ Входящие в состав мозаичного ковра медальоны — «омфалии» с изображением листьев, цветов, плодов, животных находят очень близкие аналогии среди ранневизантийских памятников ближневосточного круга, в частности, храмов Иордании (церковь Св. Исаяи в Джераше, 559 г.; церковь Св. Георгия, приблизительно 560 г., церковь Св. Апостолов, 578 г., дворец Буренд конца VI—начала VII вв. в Мадабе; комплекс Св. Стефана, церковь епископа Сергия, 587–588 гг., так называемые «церковь рек», конец VI в., «церковь пальмы», начало VII в. в Умм Аль Расасе) [см.: 58; 59; 60, р. 102, 106].

время большой храм, уже известный составителю мартирия папы Мартина, дописывавшего концовку Жития вскоре после смерти мученика в 655 г., давно существовал, более того, существовал в перестроенном виде, на что указывают заклады боковых дверей, снос колонн в заплечьях внутренних углов храма, устройство напольной мозаики и переделка первоначальной крестовидной формы, присущей аналогичным византийским мартириям, построенным не позже VI—VII вв., в храм обычного культа, с обособленным алтарем в восточной части здания.

Поздней постройке мартирия Богоматери не соответствует также устройство типового, с боковыми нишами-лежанками вырубного склепа под ним, поскольку такие сооружения, как и мозаики, уже не создавались в X—XII вв. Между тем усыпальница № 1406, обнаруженная в ходе раскопок 1902 г., была сооружена, очевидно, после возведения крестовидного храма под его правой (южной) ветвью в строгом соответствии со стенами церкви, причем над двухступенчатым входом в нее в свою очередь, а значит, еще позже, было возведено боковое помещение крещальни с купелью. Над усыпальницей оказалась типичная вырубная могила более раннего времени, которую строители склепа заложили бутовым камнем на извести. Поверх же прошел мозаичный пол храма с медальоном-омфалием, обозначающим место захоронения, причем местами через щели в могилу просочился цемянковый раствор [см.: 25, табл. I; 65, с. 69; 66, л. 8]. Сюжет медальона связан с идеей вечной жизни и благодати Божьей, которую символизируют два голубя, сидящие на краю чашеобразного сосуда, из которого исходит виноградная лоза необычной конфигурации, волнообразно подчеркивающая нижний контур композиции [18, с. 410, рис. 11]. Кроме того, эта мозаика очень удачно оказалась связана с входом в крещальню, расположенным прямо перед ней. Даже если под медальоном действительно крылась гробница основателя мемория или ктитора, все до мелочей было продумано заказчиками, постепенно, постадийно реализовывавшими свой замысел в течение второй половины V—первой половины VII вв.

Примечания

1. Отчет за 1902 год//Архив НЭХТ. — Д. № 11.
2. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X веках по Р. Хр.//Памятники христианского Херсонеса. — М., 1908. — Вып. 3.
3. Бертъе-Делагард А. Л. По поводу раскопок в Херсонесе//ЗООИД. — 1906. — Т. 26 (Ч. 5).
4. Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе//ИАК. — 1907. — Вып. 21.
5. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес//МИА. — 1959. — № 63.
6. Jakobson A. Krım//Reallexikon zur Byzantinische Kunst. — 1995. — Bd. 5.

7. *Фирсов Л. В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. 1973 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 868.
8. *Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs*/Ed. by G. R. Mack, J. C. Carter. — Austin, Texas USA, 2003.
9. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического/Под. ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клевиной, С. Г. Рыжова. — Poznan, 2004.
10. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
11. *Хрушкова Л. Г.* Крестовидные церкви Херсонеса Таврического//Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунаро. науч. конф. — К.; Судак, 2004. — Ч. 2.
12. *Хрушкова Л. Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения)//ВВ. — 2004. — Т. 63 (88).
13. *Протоиерей Александр Пелин.* Топография христианского Херсонеса IV—XIV века: Дисс. ... канд. богословия/Московская Духовная Академия. — Сергиев Посад, 2001 (рукопись).
14. *Завадская И. А.* Еще раз о датировке загородного крестообразного храма и его мозаики//Восток—Запад: межконфессиональный диалог. — Севастополь, 2003.
15. *Grabar A.* Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. — Paris, 1946. — Vol. 1.
16. *Чанева-Дечевска Н.* Ранно-христианската архитектура в България IV—VI вв. — София, 1999.
17. *Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV—VII века). — М., 2002.
18. *Хрушкова Л. Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище//Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2005. — Вып. 2.
19. *Скубатов М. И.* Закладные камни с крестами, встречающиеся в херсоно-византийском строительстве, общественных и частных зданиях//ИТУАК. — 1910. — № 44.
20. *Айналов Д. В.* Развалины храмов//Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. 1.
21. *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк//ИТУАК. — Симферополь, 1912. — Т. 46.
22. *Laurent J.* Delphes chretiens//ВСН. — 1899. — Т.23.
23. *Duval N.* Les mosaique funeraire dans l'art paleochretien. — Ravenna, 1976.
24. *Юрочкин В. Ю.* Древнейшие изображения креста Господня//Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). — К., 2002.
25. *Извлечение* из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году//ИАК. — 1904. — Вып. 9.
26. *Бернацки А. Б.* Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья//Церковная археология Южной Руси. — Симферополь, 2002.

27. *Sodini J.-P.* L'ambon dans L'Eglise primitive//La Maison-Dieu. — Paris, 1993. — Vol. 193.
28. *Sodini J.-P.* Les ambons medievauux a Byzance: vestiges et problemes//Mpenakes M. Thymiamia ste mneme tes Laskarinas Μποαα. — Athena, 1984.
29. *Веймарн Е. В.* Некрополь около крестообразного храма в Херсонесе//АДСВ. — Свердловск, 1977. — Вып. 14.
30. *Домбровский О. И.* Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса//МАИЭТ. — 1993. — Вып. 3.
31. *Домбровский О. И.* Средневековый Херсонес//Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3.
32. *Завадская И. А.* Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам). Дисс. ... канд. ист. наук/Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. — Симферополь, 2000 (рукопись).
33. *Завадская И. А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным)//МАИЭТ. — 2000. — Вып. 7.
34. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.—V в. н. э. — Харьков, 1989.
35. *Сорочан С. Б., Шевченко А. В.* Западнопонтийские светильники II—VI вв. из Херсонеса//Вестник Харьковского университета. — 1983. — № 238.
36. *Сазанов А. В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса//МАИЭТ. — 1991. — Вып. 2.
37. *Сазанов А. В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И. Б. Зеест: типология и хронология//Петербургский археологический вестник. — 1992. — № 2.
38. *Сазанов А. В.* Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса//КСИА. — 1992. — Вып. 208.
39. *Hayes J. W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. — Princeton, 1992.
40. *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. — Екатеринбург, 1995.
41. *Сорочан С. Б.* Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса//Археологія. — 1982. — Вып. 38.
42. *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса//МАИЭТ. — 2001. — Вып. 8.
43. *Завадская И. А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV—VI вв.)//МАИЭТ. — 2003. — Вып. 10.
44. *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища//Керамика и стекло древней Тмутаракани. — М., 1963.
45. *Sorochan S.* Light for Life and Death in Early Byzantine Empire//Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. — Oxford, 2002.
46. *Щапова Ю. Л.* Стекланные потиры: археологический аспект истории священных сосудов//ВВ. — 2005. — Т. 64 (89).

47. *Айналов Д. В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе//Древности. Труды Московского археологического общества. — 1916. — Т. 25 (отд. отт.)
48. *Якобсон А. Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса//ВВ. — 1988. — Т. 49.
49. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков, 2005. — Ч. 2.
50. *Фон Штерн Э.* Новый эпиграфический материал//ЗООИД. — 1906. — Т. 26 (Ч. 5)
51. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году//ИАК. — 1901. — Вып. 1.
52. *Vita Sti Eligii//PL.* — 1851. — Т. 87.
53. *Lassus J.* Sanctuaires chreysiens de Syrie. — Paris, 1947.
54. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 году//ИАК. — 1905. — Вып.16.
55. *Латышева А. В.* О назначении монетных закладов в византийских храмах Херсона//Религиозное мировоззрение в древнем и современном обществах: праздники и будни. Тезисы докладов и сообщений. — Севастополь, 2006.
56. *Khatchatrian A.* Origine et typologie des baptisteres paleochretiens. — Mulhouse, 1982.
57. *Ротач А. Л.* К изучению мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе //ВВ. — 1967. — Т. 27.
58. *Picirillo M.* The Mosaies of Jordan. — Amman, 1997.
59. *Harrison T.* Madaba: Cultural Heritage. — Amman, 1996.
60. *The Ummayyads.* The Rise of Islamic Art. — Amman, 2000.
61. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.
62. *Троицкий Н. И.* Крест Христа — Дерево Жизни. По поводу открытия крестообразного храма в Херсонесе Таврическом в 1902 году. — Тула, 1904.
63. *Jastrzebowska E.* Ephesos und Chersonesos in Spdtantike Zeit: Eine vergleichende topographische Studie//Rivista di Archeologia Cristiana. — 1999. — Т. 75.
64. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. — М.; Л., 1964.
65. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Третье дополнение к отчету за 1902 год//ИАК. — 1909. — Вып. 33.
66. *Отчет за 1906 год//Архив НЗХТ.* — Д. № 15.
67. *Khrushkova L.* Tauric Chersonesus (Crimea) in the Fourth to Fifth Centuries: Suburban Martyria//Proceeding of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 21–26 August, 2006. — London, 2006. — Vol. 3: Abstracts of Communication.